
ЛОЛИТА ЛАНСКАЯ
КОГДА ПРАВДА РАЗРУШАЕТ СЕМЬЮ, ОНА ДАЁТ ШАНС НАСТОЯЩЕМУ СЧАСТЬЮ
РАЗВОД.
Он тебе не дедушка
СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ. ПРЕДАТЕЛЬСТВО. НОВАЯ ЖИЗНЬ.

Лолита Ланская

Развод. Он тебе не дедушка

https://litres.ru/74703618
SelfPub; 2026

Аннотация

— До каких пор наш сын будет называть тебя дедушкой?

Я замираю у двери детской: моя невестка говорит с моим мужем.

Ещё утром я украшала торт на первый день рождения внука, а сын делился планами на второго ребёнка. Теперь я знаю, что малыш, которого он растит и любит, — от его отца.

Двадцать девять лет брака заканчиваются одной фразой:

— Только не вздумай говорить сыну. Ты же не хочешь разрушить ему жизнь?

Я всё-таки расскажу правду, но из дома попросят уйти меня.

Сыну проще обвинить мать, чем поверить, что отец и жена обманывали его вместе. Невестка уже примеряет моё место, а муж уверен, что я остыну и вернусь.

Я ухожу с одной сумкой и впервые не знаю, как помочь своему ребёнку. Ведь ему придётся решить, кем остаться для маленького мальчика, который зовёт его папой, — отцом или братом.

Содержание

Глава 1. День рождения, которого мы так ждали 4
Глава 2. Я должна сказать сыну 22
Г 44
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Лолита Ланская
Развод. Он тебе не дедушка

Глава 1. День рождения, которого мы так ждали

– До каких пор наш сын будет называть тебя дедушкой?

Я останавливаюсь у двери детской, прижимая к себе чистое одеяльце, которое только что сняла с сушилки. Алина говорит негромко, но в притихшем доме слышно каждое слово, и я машинально оборачиваюсь в сторону прихожей, хотя Артём уехал в магазин всего несколько минут назад.

– Я тебя прошу, давай хотя бы сегодня без этого, – отвечает ей Сергей тем усталым, раздражённым голосом, которым разговаривает со мной, когда я возвращаюсь к неприятной для него теме.

Я смотрю на узкую полоску света между дверью и косяком и никак не могу заставить себя пошевелиться.

***

За три часа до этого я ещё переживаю, что крем на торте получился слишком мягким.

Ставлю блюдо в холодильник, вынимаю его обратно, потому что забыла убрать с полки банку огурцов, и едва не за-

деваю локтем чашку с остатками кофе. Кофе давно холодный, но заваривать новый уже некогда: на столе лежат фотографии, в гостиной ждёт неглаженая скатерть, а Артём написал, что они выезжают.

– Лен, ты зачем опять всё сама затеяла? Мы же могли заказать нормальный торт, тебе бы хоть поспать дали. – Сергей появляется на кухне, на ходу застёгивая ремешок часов, и останавливается возле стола.

– То есть мой, по-твоему, ненормальный? Ты сначала на него посмотри, а потом уже оскорбляй женщину, которая до половины первого бисквиты остужала. – Я поворачиваю к нему блюдо, придерживая его обеими руками.

Он наклоняется, разглядывает белый крем, ягоды и маленького медведя, которого я вчера раза четыре переставляла с места на место.

– Торт прекрасный, а женщина почему-то сразу ругается. Я вообще-то о тебе забочусь, но у тебя это, как обычно, не предусмотрено. – Он улыбается и тянется пальцем к крему на краю миски.

Я успеваю стукнуть его по руке кухонным полотенцем, хотя он всё равно пробует.

– Ложка рядом лежит, культурный ты человек. И не трогай ягоды, я их ровно столько оставила, сколько нужно.

Сергей облизывает палец с совершенно мальчишеским довольным видом, потом обнимает меня за плечи и целует в висок. От него пахнет гелем после бритья и тем одеколоном,

который я подарила ему зимой.

– Вкусно получилось, Лен. Только ты сама-то сегодня завтракала или опять будешь до вечера на одном кофе бегать? – спрашивает он уже без шутки, заглядывая мне в лицо.

– Сейчас Артём с Алиной приедут, вместе поедим. Ты лучше скатерть погладь, пожалуйста, а я тут закончу, иначе мы до их приезда даже стол не освободим.

Он вздыхает, будто я предлагаю ему заново построить дом, но за утюгом идёт.

Я провожаю его взглядом и улыбаюсь. Сергей умеет поворчать так, что человек со стороны решит, будто его заставляют делать что-то совершенно непосильное. Однако скатерть он погладит аккуратно, не оставив ни одной складки, а потом ещё позовёт меня посмотреть, как хорошо получилось.

Эту скатерть я достаю редко. Она льняная, тяжёлая, с вышитыми по краям синими цветами. Мама отдала её мне, когда мы с Сергеем только поженились, и отдельно предупредила, чтобы я не берегла хорошую вещь только для гостей.

На одном углу до сих пор виднеется бледное пятнышко от вишнёвого компота. Артём оставил его в свой седьмой день рождения, когда пытался одновременно показать всем новый велосипед и дотянуться до стакана. Я тогда ужасно расстроилась, а сейчас каждый раз нахожу это пятно и думаю, что надо было поменьше кричать из-за какой-то скатерти.

Из гостиной доносится голос Сергея:

– Лен, здесь тот самый угол с пятном. Его к стене повернуть или ты теперь специально всем показываешь, какой у нас исторический текстиль?

– Поверни к стене, только не начинай опять рассказывать, что это ты спокойно отнёсся, а я одна возмущалась. Ты тогда полчаса Артёму объяснял, почему нельзя ставить велосипед возле стола, – отзываюсь я, убирая торт на освобождённую полку.

Сергей смеётся, а я вытираю руки и берусь за фотографии.

Я хотела выбрать двенадцать, по одной на каждый Мишин месяц, но остановиться не получилось. На первой Артём держит крошечный свёрток так осторожно, словно боится даже дышать. На другой Миша спит у него на груди, широко раскинув руки. Есть фотография с первой прогулки, с кабачковым пюре на лбу, с огромной погремушкой, которую Сергей зачем-то купил трёхмесячному ребёнку.

Отдельно я распечатала снимок, где мы все вместе. Алина сидит на диване с Мишей на коленях, Артём обнимает её за плечи, а мы с Сергеем стоим за ними. На мне домашняя кофта, у сына торчит воротник, Миша смотрит куда-то мимо камеры, зато никто не старается казаться красивее, чем есть.

Я прикрепляю этот снимок в середине ленты.

В прихожей хлопает дверь, и сразу становится слышно, как Артём пытается протиснуться внутрь со связкой шаров.

– Мам, только не спрашивай, почему их столько. Я заказал десять, мне сказали, что от пятнадцати скидка, и я по-

чему-то решил, что это очень выгодное предложение. – Он появляется в дверном проёме, почти полностью скрытый за голубыми и белыми шарами.

За ним входит Алина с Мишей на руках и большой сумкой через плечо.

– Он ещё хотел цифру размером с себя взять, но я напомнила, что у нас в машине должен поместиться ребёнок, – говорит она, поправляя сползшую с плеча лямку. – Елена Викторовна, заберите кого-нибудь из нас, пожалуйста, а то я сейчас вместе с этой сумкой на пол сяду.

Я бросаю фотографии и подхожу к ней. Миша замечает меня, сразу подаётся вперёд и хватается за ворот моей кофты. Когда я принимаю его на руки, он прижимается ко мне горячей щекой, но уже через секунду тянется к серьге.

– Вот так бабушку и поздравляют с первым годом в новой должности, сразу за ухо берут. Ты хоть поцеловать себя дай, именинник, я же с утра тебя жду, – говорю я ему в мягкие волосы и целую за ухом.

Он пахнет детским шампунем, молоком и немного – Алиным кремом. Я люблю этот запах так сильно, что всякий раз задерживаю его у себя на руках дольше, чем собиралась.

Алина снимает куртку и наклоняется к сыну, застёгивая расстегнувшуюся кнопку у него на вороте.

– Он в машине минут десять поспал, поэтому теперь уверен, что отдыхать больше не нужно. Но вы ему не верьте, через час начнёт ко всему придираться, – предупреждает она,

улыбаясь Мише.

Выглядит она сегодня нарядно. На ней мягкое светлое платье, волосы уложены, хотя у висков уже выбились тонкие пряди. Под глазами заметны тени.

– Ты сама-то ела? У меня сырники готовы, сейчас только разогрею. И кофе нормальный сварим, а то мой уже можно вместо холодного компресса использовать.

– Я только чай успела выпить, потому что один мой мужчина искал ключи, а второй не хотел надевать штаны. – Алина смотрит на Артёма с усталой усмешкой.

– Ключи лежали в Мишиной коробке с кубиками, я бы сам туда ни за что не догадался заглянуть. И вообще, со штанами мы в итоге договорились, – возражает Артём, освобождая из-под потолка застрявший шарик.

Сергей выходит из гостиной с утюгом в руке, видит внука и сразу ставит утюг на тумбу.

– Ну что, взрослый человек, пойдёшь к дедушке или сегодня только с женщинами общаешься? – Он протягивает руки, и Миша внимательно смотрит на него, прежде чем согласиться.

Я передаю ребёнка мужу. Сергей поднимает его повыше, и Миша смеётся, хватая его за нос.

– Ты его только не подкидывай, он недавно ел, а футболку ты, между прочим, только что чистую надел, – предупреждает Артём, наблюдая за ними из-под шаров.

– Я тебя как-то вырастил, можешь на пять минут пере-

стать руководить. Хотя ты в его возрасте, кажется, был потяжелее, – отвечает Сергей и поворачивает Мишу к себе.

Алина смотрит на них, потом опускает глаза и начинает вытаскивать из сумки детские вещи. Я забираю у неё контейнер с едой, ставлю в холодильник и спрашиваю, во сколько Миша обычно обедает.

Она отвечает не сразу, словно не расслышала, а потом называет время и просит сварить ей кофе покрепче. Ночь, видимо, действительно была тяжёлая.

На кухне мы рассаживаемся кое-как. С большого стола всё ещё не убраны фотографии, поэтому тарелки приходится ставить между конвертами, ножницами и лентами. Миша сидит в своём стульчике рядом с Артёмом и возмущается, когда тот берёт себе сырник вместо того, чтобы продолжить кормление.

– Подожди, пожалуйста, папа тоже иногда ест, хотя ты, конечно, мог этого не заметить, – объясняет ему Артём, вытирая сыну подбородок.

Миша тянется к ложке и попадает ладонью в тарелку.

Алина прикрывает глаза, но Артём уже ловит детскую руку.

– Всё нормально, не начинай заранее переживать. Я его отмою, себя тоже, а стол вообще переживал вещи пострашнее, – говорит он жене и поворачивается ко мне: – Кстати, мам, мы тут подумали, что, наверное, слишком затягивать со вторым не будем.

Я так и остаюсь с чашкой возле губ.

– Ты сейчас серьёзно говоришь или проверяешь, насколько у меня крепкие нервы с утра? Ему только год сегодня исполнился, а вы уже о втором думаете.

– Я же не говорю, что прямо завтра. Но года два разницы было бы нормально, как мне кажется. Они потом вместе играть будут, а не так, что одному уже всё неинтересно, пока второй только ходить учится, – рассуждает Артём, оттирая кашу с Мишиных пальцев.

– Артём, мы просто разговаривали об этом, а ты уже всем объявляешь. – Алина поднимает на него глаза, и в её голосе появляется раздражение.

Он замечает его и виновато улыбается.

– Я не всем, я маме. Она же всё равно начнёт покупать маленькие носки раньше, чем мы успеем что-нибудь решить.

– Носки я куплю, не сомневайся, только вы сначала сами договоритесь. А то папа уже население страны увеличивает, пока мама даже позавтракать не успела. – Я смотрю на Алину, стараясь её поддержать.

Она улыбается мне, но чашку держит так крепко, что у неё белеют костяшки пальцев.

Сергей отодвигает свою тарелку.

– Вы бы сначала с одним наладили жизнь, а потом уже дальше планировали. Артём, у тебя с работой что, график поменяется или всё так же мотаться будешь? – спрашивает он, глядя на сына.

– Я уже говорил с начальником, можно будет перейти на объекты поближе. И вообще, пап, мы пока никуда не торопимся, просто обсуждаем. – Артём чуть хмурится, но тут же отвлекается на Мишу, который пытается стянуть с него часы.

Мне хочется обнять сына. Ещё недавно он сам сидел за этим столом и возмущался, что мы всё за него решаем, а теперь спокойно обсуждает, как будет работать, когда у него появится второй ребёнок.

Я представляю две маленькие куртки у двери, ещё одну кроватку и Мишу, который важничает возле коляски. Тут же вспоминаю, как в прошлом месяце три дня подряд отменяла заказы, потому что Алина заболела, а Артём был в отъезде, и мысленно обещаю себе, что со вторым мы сразу договоримся о помощи иначе.

Но радость всё равно оказывается сильнее.

После завтрака Артём берётся за шары, Сергей помогает мне натянуть ленту с фотографиями, а Алина остаётся на ковре с Мишей. Он уже умеет довольно уверенно передвигаться вдоль дивана и сегодня, кажется, намерен проверить все поверхности в доме.

– Мам, эту фотографию сними, пожалуйста. У меня здесь такое лицо, будто я не сына из роддома забираю, а пришёл забирать чужие долги. – Артём останавливается возле ленты и тычет пальцем в первый снимок.

– У тебя здесь нормальное лицо человека, который трое суток толком не спал. И потом, я не для твоего портфолио

выбирала, а чтобы память осталась, – отвечаю я, поправляя прищепку.

– Ты вечно так говоришь, а потом на каждом семейном празднике показываешь, как я без штанов на горшке сижу. – Он поворачивается к Алине за поддержкой, но она занята ребёнком и только рассеянно улыбается.

Сергей держит другой конец ленты и смеётся.

– Радуйся, что мать не нашла фотографию, где ты мне чёлку подстриг. Там у тебя было особенно довольное лицо, а у меня потом неделю клиенты спрашивали, что случилось.

– Потому что ты сам сказал, что ножницы тупые и ничего ими не отрежешь. Я, можно сказать, проверял достоверность информации. – Артём разводит руками, и мы с Сергеем одновременно начинаем смеяться.

Я смотрю на них и чувствую ту спокойную, привычную благодарность, для которой обычно не находится слов. Мне хорошо, что они здесь, что сын смеётся над отцовскими историями, что Алина сидит на нашем ковре, а Миша пытается открыть ящик, из которого я ещё неделю назад убрала всё опасное.

Мне не нужно ничего особенного. Я хочу, чтобы вечером мы так же сидели за столом, чтобы торт оказался вкусным, чтобы Миша позволил сфотографировать себя в бумажной короне хотя бы один раз.

Час спустя он начинает тереть глаза и сердиться на игрушечного зайца, который никак не хочет помещаться целиком

в коробку.

Алина подхватывает его с ковра.

– Я пойду попробую уложить, а вы пока без громких обсуждений, пожалуйста. Он сейчас вроде сонный, но стоит услышать Артёма – и сразу решает, что жизнь проходит мимо, – просит она, прижимая сына к плечу.

– Я вообще могу выйти, если моё присутствие так мешает человеку отдыхать. Всё равно за водой надо съездить, мы минералку забыли. – Артём смотрит на меня. – Мам, тебе ещё что-нибудь привезти, пока я не уехал?

Я вспоминаю про хлеб, потом про лёд, потом решаю, что льда нам хватит. Артём слушает, доставая телефон, и записывает всё с таким серьёзным видом, будто я диктую ему список оборудования.

– Только никаких дополнительных салатов по дороге не придумывай. У тебя уже еды столько, что можно гостей ещё на завтра оставить, – предупреждает он, пряча телефон в карман.

– Я собиралась всего два сделать, это вы потом сказали, что без моего баклажанного не считается. Теперь ещё и виновата осталась.

Он подходит, целует меня в щёку и задерживается на секунду, обняв за плечи.

– Ты не виновата, ты у нас просто очень стараешься. Красиво всё получилось, мам, я серьёзно, – говорит он тише, и я чувствую, как у меня от этих простых слов теплеет лицо.

Я приглаживаю ему волосы на затылке, хотя он терпеть этого не может, и прошу не задерживаться.

Сергей уходит переодеваться. Я слышу, как он открывает шкаф в спальне, потом в доме постепенно становится тихо. Из детской ещё немного доносится Алино уговаривание, но и оно скоро прекращается.

Детской мы теперь называем бывшую Артёмову комнату. Его старый письменный стол всё ещё стоит у окна, только вместо учебников на нём лежат пачка влажных салфеток, детский крем и несколько мягких книжек. Кроватку мы купили сразу после Мишиного рождения, чтобы молодые могли оставаться у нас с ночёвкой.

Я убираю чашки, протираю стол и наконец замечаю, что сама съела только половину сырника. Доедаю его стоя у раковины, проверяю торт и поправляю съехавшую салфетку под блюдом.

На сушилке возле окна лежит Мишино одеяльце. Вчера он пролил на него воду, и я постирала его вместе с полотенцами. Сейчас оно уже сухое, мягкое и ещё пахнет порошком. Я складываю его вдвое и иду отнести в комнату, чтобы потом не искать перед прогулкой.

А у двери слышу вопрос Алины.

***

После ответа Сергея наступает пауза, и я успеваю подумать, что должна просто войти. Если открыть дверь сейчас, они повернутся ко мне, Алина заберёт одеяло, Сергей ска-

жет что-нибудь обычное, и у услышанного найдётся какое-то объяснение.

Но рука не поднимается.

– А когда будет подходящий день, Серёж? Ты мне обещал, что к его первому дню рождения всё решишь. Я целый год слушаю, что сейчас неподходящий момент, а сегодня ты опять стоишь передо мной и учишь его идти к дедушке, – говорит Алина, стараясь не повышать голос, но на последних словах он срывается.

Я никогда не слышала, чтобы она так называла моего мужа.

При мне он всегда Сергей Петрович. Иногда она шутит, иногда просит его посмотреть машину или помочь с чем-нибудь в квартире, но это «Серёж» звучит совсем иначе. Так обращаются к человеку, с которым давно спорят по ночам, которого знают без рубашки и которому уже не нужно объяснять, почему имеют право злиться.

Я сильнее прижимаю одеяло к животу.

– Лена на кухне, ты можешь хотя бы потише говорить? – Сергей тоже понижает голос, и мне приходится невольно податься к двери, чтобы расслышать продолжение. – Я не отказываюсь от своих слов, но ты сейчас чего от меня хочешь? Чтобы я встретил гостей и первым делом всё объявил?

– Я хочу, чтобы ты перестал делать вид, будто меня устраивает такая жизнь. Ты слышал, как Артём про второго ребёнка говорил? Мне что ему отвечать, когда он снова нач-

нёт это обсуждать? – В голосе Алины появляется плачущая злость.

Из комнаты доносится тихий скрип, словно кто-то садится на край кровати. Я не вижу их за дверью и почему-то всё время пытаюсь представить, на каком расстоянии они друг от друга.

Сергей отвечает не сразу.

– Не надо сейчас приплетать второго ребёнка, мы с тобой не об этом говорим. Я и так делаю всё, что могу, ты прекрасно знаешь.

– Ты делаешь всё, чтобы у тебя ничего не поменялось. У тебя жена, дом, сын, а я должна улыбаться и смотреть, как Артём растит твоего ребёнка, потому что тебе страшно с ним поговорить, – произносит Алина уже громче.

Я отступаю на полшага и упираюсь пяткой в край ковровой дорожки.

Сначала мне кажется, что это она сказала что-то неправильное. Нарочно, со злости, чтобы сделать ему больно. Люди в ссоре иногда произносят такое, чего на самом деле не думают, и я стою в коридоре, ожидая, что Сергей сейчас возмутится, потребует прекратить, скажет, что она несёт чушь.

Он только тяжело вздыхает.

– Я знаю, что Миша мой сын, не надо мне это каждый раз повторять. И я от него не отказываюсь, но ты должна понимать, что после такого разговора назад уже ничего не вернёшь, – говорит он тихо и отчётливо.

Я слышу каждое слово, хотя мне отчаянно хочется перестать слышать.

У меня начинают дрожать руки. Не сильно, а мелко, неприятно, так что край одеяла шевелится возле запястья. Я прижимаю его крепче и смотрю на собственные пальцы, на тонкую полоску засохшего крема возле ногтя.

Ещё утром Сергей целовал меня в висок и спрашивал, завтракала ли я. Он гладил нашу скатерть, держал ленту с фотографиями и смеялся вместе с сыном.

Я пытаюсь вспомнить, когда именно он перестал быть человеком, которого я знала, но перед глазами остаётся только сегодняшняя кухня.

– А мне что возвращать, Серёж? Ты мне всё время рассказываешь, как будет тяжело им, а я, по-твоему, здесь просто так стою? – Алина всхлипывает и сразу втягивает воздух, стараясь справиться с голосом.

Миша тихонько вскрикивает во сне.

Оба замолкают, и это молчание почему-то оказывается страшнее разговора. Они вместе прислушиваются к ребёнку, ждут, не проснётся ли он, и я невольно представляю, сколько раз они уже так стояли вдвоём. У них есть общая жизнь, о которой я ничего не знала, пока стирала это одеяло, пекла торт и выбирала фотографии.

Я вспоминаю, как Алина однажды попросила меня посидеть с Мишей подольше, потому что задерживалась по делам. Как Сергей приехал в тот вечер поздно и сказал, что

устал. Я тогда разогрела ему ужин, а он спросил, хорошо ли спал внук.

От этого воспоминания меня начинает тошнить, и я зажимаю рот ладонью.

Мне нельзя оставаться у двери. Я знаю это совершенно ясно, но не понимаю, куда идти. На кухне стоит мой торт, в гостиной висят наши фотографии, в прихожей лежит Артёмова куртка, которую он не надел, потому что собирался быстро вернуться.

Сын сейчас выбирает воду и хлеб. Может быть, звонит жене, чтобы спросить, нужны ли подгузники. Он ещё ничего не знает и наверняка уверен, что вернётся в тот же дом, из которого уехал двадцать минут назад.

Я поворачиваюсь боком и медленно отхожу к кухне, стараясь не задеть стену плечом. Пол под ногами остаётся совершенно обычным, ковровая дорожка лежит там же, где всегда, но идти почему-то трудно, словно я только встала после долгой болезни.

В дверях кухни я останавливаюсь.

На столе осталась одна фотография, для которой не хватило прищепки. Артём сидит на полу, вытянув ноги, а Миша стоит между его коленями и держится за его пальцы. Сын смотрит не в камеру, а на ребёнка, улыбается ему так открыто, что я не могу выдержать этот взгляд даже на бумаге.

Я кладу одеяло на край стола, но пальцы не сразу разжимаются.

Мне хочется позвонить Артёму и попросить его не возвращаться. Сказать, что мы встретимся где-нибудь ещё, что я сама сейчас выйду. Только я не понимаю, что произнесу, когда он спросит, почему у меня такой голос.

Из детской снова доносится шёпот, потом скрипит дверь.

Я поднимаю голову.

Сергей выходит в коридор, ещё поправляя манжету, и сначала смотрит в сторону прихожей. На нём чистая рубашка, которую я вчера повесила отдельно, чтобы не помялась. Он замечает меня не сразу, а когда замечает, рука у запястья замирает.

Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга.

Я знаю его лицо почти тридцать лет и вижу, как быстро он всё понимает. Взгляд опускается на одеяло, возвращается ко мне, скользит к открытой двери детской. Сергей медленно выдыхает и закрывает её за собой, придерживая ручку, чтобы не щёлкнул замок.

Мне кажется, что сейчас он подойдёт и хотя бы скажет моё имя.

Я даже набираю воздух, собираясь спросить, сколько времени это продолжается, но губы дрожат так сильно, что мне приходится сжать их. Слёзы уже стоят в глазах, и от этого я злюсь на себя: я не хочу плакать раньше, чем он начнёт говорить.

Сергей подходит почти вплотную. От него всё ещё пахнет знакомым одеколоном. Он смотрит на меня, потом быстро

оглядывается на входную дверь, за которой в любую минуту может появиться наш сын.

– Только не вздумай говорить сыну. Ты же не хочешь разрушить ему жизнь? – произносит он негромко, сдвинув брови, и наклоняется ко мне, ожидая ответа.

Глава 2. Я должна сказать сыну

Мне требуется несколько секунд, чтобы понять: он действительно ждёт ответа. Стоит передо мной в чистой рубашке, чуть наклонив голову, и ждёт, когда я соглашусь, что Артёма нужно беречь.

Я отступаю, потому что больше не могу находиться так близко к нему, и упираюсь поясницей в край стола. Сергей тянется ко мне, но я выставляю ладонь.

– Не трогай меня, пожалуйста. Ты сначала объясни, почему я сейчас должна думать о том, как не разрушить жизнь нашему сыну, если ты уже сделал это без меня, – произношу я, с трудом удерживая голос.

Он смотрит на мою руку, потом медленно опускает свою. На лице появляется знакомое выражение человека, который собирается терпеливо объяснять очевидные вещи.

– Лена, я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, но давай хотя бы не будем кричать. В соседней комнате ребёнок спит, Артём вот-вот вернётся, и нам нужно решить, что делать дальше, – говорит он негромко, оглядываясь на коридор.

От его спокойствия у меня начинает дрожать подбородок. Я прикусываю губу, пытаясь справиться с собой, и понимаю, что он принимает это за готовность слушать.

– Мы ничего сейчас не решим, Серёж. Я даже не знаю, сколько времени ты спишь с нашей невесткой, а ты уже пред-

лагаешь мне вместе подумать, как вам всем удобнее жить дальше, – отвечаю я, глядя на пуговицу у него на груди, потому что смотреть в лицо пока не получается.

Он вздыхает и проводит ладонью по затылку.

– Не надо так говорить, будто тебе известна вся история. Там всё гораздо сложнее, чем ты себе сейчас представляешь.

Я поднимаю на него глаза.

– Тогда расскажи мне эту сложную историю. Начни с того, сколько времени это продолжается, а я послушаю и постараюсь ничего не перепутать.

Сергей отворачивается к окну. За стеклом виден кусок двора, наша машина и качели, которые он поставил для Миши в начале лета. Я тогда держала лестницу, пока он крепил навес, а потом мы спорили, не слишком ли высоко подвешено сиденье.

– Больше двух лет, но я не собирался… – Он замолкает, сжимает губы и поворачивается ко мне. – Лена, я правда не собирался уходить из семьи.

Я смотрю на него и пытаюсь вспомнить, что было два года назад. Артём с Алиной ещё доделывали ремонт. Я подшивала им шторы, привозила еду, потому что у них долго не было нормальной кухни. Сергей ездил помогать по выходным, иногда задерживался до позднего вечера.

Мне становится холодно, хотя на кухне душно после духовки.

– Ты и не ушёл, я вижу. Ты вообще прекрасно устроился,

только почему-то сейчас стоишь и объясняешь, какая у вас тяжёлая жизнь, – говорю я и слышу, как голос становится громче. – А когда ты узнал про Мишу?

Он быстро смотрит в сторону детской.

– После рождения уже стало понятно. До этого я не был уверен, и мы…

– Вы целый год знали, пока Артём растил его как своего? – Я перебиваю, потому что не выдерживаю этого «мы». – Ты приходил к нему, смотрел, как он пелёнки меняет, слушал, как он о сыне рассказывает, и всё это время знал?

Сергей трёт переносицу большим и указательным пальцами. Я тысячу раз видела этот жест после тяжёлого рабочего дня и обычно сразу переставала его расспрашивать.

Сейчас мне хочется убрать его руку от лица, чтобы он хотя бы смотрел на меня, пока отвечает.

– Артём любит Мишу, ребёнок растёт в нормальной семье, ему хорошо. Ты сама видела, какие у них отношения, – произносит Сергей и тут же добавляет, заметив моё лицо: – Я не говорю, что всё правильно получилось. Но сейчас нельзя просто взять и перечеркнуть всё, что у них есть.

– Ты слышал его сегодня за завтраком? Он думает о втором ребёнке, Серёж. Он сидел рядом с тобой и рассказывал, как будет менять работу, чтобы больше бывать дома.

Я чувствую, что начинаю задыхаться от слёз, и отворачиваюсь к раковине. На дне лежит детская ложка. Миша утром смахнул её со столика, Артём поднял и попросил меня спо-

лоснуть, а потом нашёл другую.

Я беру эту ложку, зачем-то открываю воду, но пальцы плохо слушаются, и она выскальзывает.

Сергей подходит ближе.

– Вот поэтому я и прошу тебя не говорить с ним сейчас. Ты сама еле стоишь, а хочешь такой разговор начинать. Дай мне хотя бы несколько дней, я сам с ним поговорю.

Я закрываю кран и поворачиваюсь к нему.

– Ты только что просил меня не говорить вообще. Теперь тебе нужно несколько дней, а потом что будет, опять неподходящий момент? У Алины я уже слышала, как давно она ждёт.

Он резко выпрямляется, и впервые за всё время в его лице появляется не тревога, а злость.

– Ты под дверью стояла и слушала, сколько тебе было нужно, а теперь считаешь, что можешь судить обо всём по одному разговору?

У меня даже слёзы на секунду останавливаются.

– Я несла вашему ребёнку чистое одеяло, Серёж. Простите, что не постучала заранее и не дала вам времени придумать что-нибудь получше.

Он прикрывает глаза, словно это я сейчас сказала лишнее.

В коридоре тихо скрипит половица. Я поворачиваю голову и вижу Алину. Она стоит у стены, одной рукой держась за локоть другой, и смотрит на Сергея. Лицо у неё красное, губы припухли, но плакала она явно не из-за меня.

– Он просыпаться начал, вы можете немного тише? – спрашивает она шёпотом, переводя взгляд на моё лицо.

Я поднимаю из раковины выскользнувшую ложку и вдруг понимаю, что не смогу сейчас разговаривать ещё и с ней. Если она начнёт объяснять про чувства, я действительно закричу так, что услышат соседи.

– Иди к Мише, Алина. Только ко мне пока не подходи, пожалуйста, потому что я не знаю, что тебе скажу.

Она прижимает губы друг к другу, снова смотрит на Сергея и уходит.

Я провожаю её взглядом. Даже теперь она ждёт решения от него. В моём доме, рядом со мной, после всего, что я услышала.

Сергей делает движение в сторону коридора, но остаётся на месте.

– Давай хотя бы сегодняшний день переживём спокойно. Люди придут, родители Алины уже собираются, моя сестра звонила. Не надо устраивать это на Мишином празднике.

Я смотрю на стол, на рассыпанные возле ножниц бумажные кружочки, на угол скатерти, который он утром так тщательно гладил.

– Позвони всем и скажи, что я плохо себя чувствую. Это даже не будет неправдой, – отвечаю я, вытирая мокрые руки о полотенце. – Гостей сегодня не будет.

Он молча достаёт телефон. Мне кажется, что сейчас он хотя бы спросит, нужна ли вода, но Сергей начинает искать

номер и, уже поднося телефон к уху, произносит:

– Только не принимай никаких решений, пока мы нормально не поговорили. Я тебя очень прошу, Лена.

Я не отвечаю. Если открыть рот сейчас, из него выйдет такой звук, которого я сама испугаюсь.

Пока Сергей предупреждает родственников, я иду в ванную. Закрываю дверь, опираюсь ладонями на раковину и смотрю в зеркало. Лицо у меня чужое, с красными пятнами возле носа, а на лбу прилипла тонкая прядь волос. Я приглаживаю её мокрой рукой, будто именно это сейчас нужно исправить.

Хочется умыться и вернуться в утро. Снова переживать из-за крема, спорить с Артёмом о фотографиях, просить мужа не хватать ягоды пальцами.

За дверью Сергей говорит кому-то, что у меня, наверное, поднялось давление.

Я наклоняюсь и плещу воду в лицо.

Когда возвращаюсь на кухню, телефон лежит возле тарелки. Ольга спрашивает в сообщении, во сколько можно подъехать поздравить именинника, чтобы не разбудить его.

Я пишу, что сегодня ничего не будет, мне нездоровится. Почти сразу приходит вопрос, нужна ли помощь. Я смотрю на экран, но ответить не успеваю: в прихожей поворачивается ключ.

– Мам, я хлеб взял тот, который ты любишь, только он ещё тёплый, не закрывай его в пакет. И свечку другую купил, у

этой огоньки какие-то цветные должны быть, – говорит Артём, входя с двумя тяжёлыми сумками.

Я стою у стола и не могу заставить себя сделать шаг.

Он ставит покупки на пол, выпрямляется и наконец смотрит на меня.

– Ты чего такая бледная? Мам, что случилось, пока меня не было? – Улыбка исчезает с его лица, и он сразу подходит ближе.

Сергей появляется из гостиной с телефоном в руке.

– Матери нехорошо, мы гостей отменили. Ты воду пока убери в холодильник, а я ей сейчас…

– Артём, пойдём со мной, пожалуйста. Мне нужно с тобой поговорить, – перебиваю я, стараясь смотреть только на сына.

Он переводит взгляд с меня на отца.

– Может, сначала давление померяем? Ты сядь хотя бы, а то у тебя руки трясутся.

Я смотрю на свои пальцы. Оказывается, я всё ещё сжимаю полотенце, которое взяла на кухне.

– Я сяду, только пойдём в гостиную. Мне нужно поговорить с тобой наедине.

Сергей делает шаг к нам.

– Лена, мы же только что обсуждали, что ты сейчас не в состоянии…

– Пап, дай я у неё сам спрошу, что происходит. – Артём хмурится и берёт меня под локоть. – Пойдём, мам, только не

пугай меня, пожалуйста.

Он помогает мне дойти до дивана, словно я действительно заболела. От этой заботы становится ещё больнее. Через минуту мне придётся произнести слова, после которых он уже не сможет смотреть на сегодняшний день так же, как до поездки в магазин.

Артём прикрывает дверь и присаживается рядом, развернувшись ко мне всем корпусом.

– Вы с отцом поругались или что-то случилось? Только скажи нормально, потому что у меня уже всякое в голове, – просит он, заглядывая мне в лицо.

Я пытаюсь начать, но во рту так сухо, что приходится сглотнуть несколько раз.

– Я сейчас услышала разговор твоей жены с отцом. Случайно услышала, когда несла Мише одеяло в комнату.

Артём ждёт продолжения. Я вижу, как он старается не торопить меня, хотя уже начинает нервничать.

– Алина спрашивала его, до каких пор их сын будет называть его дедушкой, – произношу я и замечаю, как Артём сжимает пальцы, а потом медленно отодвигается. – Тём, я понимаю, как это звучит, но я слышала весь разговор. Они говорили о Мише.

Сын смотрит на меня, потом коротко и совершенно неестественно усмехается.

– Подожди, ты сейчас о чём вообще? Алина что-то сказала папе про Мишу, и ты решила… Мам, ты можешь объяснить,

что именно ты пытаешься мне сказать?

Мне хочется, чтобы он продолжал переспрашивать. Пока он не понял, ещё можно сидеть рядом, чувствовать тепло его плеча и не видеть в его глазах того, что появится сейчас.

Я заставляю себя договорить.

– У твоего отца связь с Алиной. Она сказала, что ты растишь его ребёнка, а он ответил, что знает, что Миша его сын.

Артём откидывается назад и смотрит на меня уже совсем иначе.

– Ты правда хочешь, чтобы я сейчас поверил, что мой отец спал с моей женой, а я целый год растил их ребёнка? Мам, послушай себя, ты же понимаешь, что ты мне сейчас говоришь, – произносит он с попыткой усмехнуться, но рот у него кривится, и он отворачивается.

Я кладу полотенце на колени, потому что больше не могу смотреть, как тереблю его край.

– Я понимаю, Тёма. Поэтому я и не знаю, как тебе это сказать так, чтобы тебе не было больно.

Он встаёт с дивана и подходит к окну. Несколько секунд стоит ко мне спиной, потом резко поворачивается.

– А папа тебе что сказал? Ты у него спросила, что это за разговор был, или сразу решила меня посадить и рассказать?

– Спросила. Он сказал, что это длится больше двух лет и что про Мишу они узнали после рождения. А первым делом потребовал, чтобы я тебе не говорила.

Артём смотрит мне в лицо так пристально, словно пыта-

ется поймать меня на какой-то мелочи.

– Ты что-то не так поняла. Я не знаю, что именно, но ты не могла вот так пройти мимо комнаты и услышать… Они бы не стали здесь об этом говорить, если бы это было правдой, – говорит он быстро, почти не переводя дыхания.

Я тоже хочу, чтобы они не стали. Чтобы у них хватило хотя бы страха перед тем, что они делают. Но Сергей уже закрывал за собой дверь детской, уже стоял напротив меня и говорил про несколько дней.

– Я тоже не думала, что такое можно услышать в собственном доме. Но я не придумала этого, Артём.

Он проводит ладонью по рту и начинает ходить между окном и диваном. На третьем шаге задевает ногой ленту от шарика, раздражённо отбрасывает её в сторону и тут же останавливается, будто сам не понял, зачем это сделал.

– Ты с Алиной что-то не поделила? Она тебе опять сказала, чтобы ты не лезла с советами, или папа за неё вступился? – спрашивает он, глядя мимо меня.

Я поднимаю голову.

– Ты сейчас серьёзно считаешь, что я могу такое выдумать из-за ссоры с невесткой?

– Я вообще не понимаю, что мне считать! – Он повышает голос и сразу оглядывается на дверь. – Ты сидишь и рассказываешь мне, что у меня вся жизнь какая-то… Я не знаю, мам, как на это реагировать, я просто не знаю.

Я чувствую, как по щеке течёт слеза, но не вытираю её.

– Я от тебя сейчас ничего не требую. Ты можешь сам поговорить с ними, задать вопросы, разобраться. Только я не могла знать это и продолжать тебе улыбаться.

Артём смотрит на меня, и в его лице появляется обида, от которой у меня сжимается горло.

– А зачем нужно было именно сегодня? Ты видела, как я с утра носился, как мы всё готовили. Нельзя было хотя бы подождать, пока день закончится?

Я пытаюсь вдохнуть поглубже, но воздух застревает где-то под рёбрами.

– Чтобы ты ещё несколько часов говорил ему «дедушка», а я слушала и молчала? Тём, я не выдержу этого. Я уже не могу.

Он качает головой, будто я опять отвечаю не то, и идёт к двери.

– Пап, зайди сюда, пожалуйста. Я хочу, чтобы ты при мне объяснил, что мама услышала, – зовёт он достаточно громко, чтобы его было слышно в коридоре.

Сергей появляется почти сразу.

Я смотрю на него и понимаю, что он всё это время был рядом. Возможно, слышал каждое слово. Он останавливается у кресла, кладёт руку на спинку и смотрит на сына с тем внимательным выражением, с которым когда-то слушал его школьные объяснения.

– Артём, мы с матерью сейчас очень тяжело поговорили, и она на эмоциях сделала выводы, с которыми…

– Я не про её эмоции спрашиваю. Она говорит, что у тебя с Алиной связь и что Миша от тебя, – перебивает сын, глядя прямо на него. – Ты можешь сказать, почему она это услышала?

Сергей поворачивается ко мне. Я встречаю его взгляд, и он быстро отводит глаза.

– Она услышала часть разговора, который вообще не предназначался для неё. Потом мы начали выяснять отношения, наговорили друг другу всякого. Я прошу тебя сейчас не принимать всё это как установленный факт.

Я встаю с дивана так резко, что полотенце падает на пол.

– Ты мне полчаса назад сказал, что знал про ребёнка. Ты сам назвал, сколько это продолжается, а теперь стоишь перед ним и рассказываешь про мои эмоции? – Голос у меня срывается, и последние слова выходят почти криком.

Сергей морщится и поднимает ладонь.

– Вот видишь, в каком она состоянии. Лена, пожалуйста, сядь, мы не сможем ничего обсудить, пока ты так разговариваешь.

Артём смотрит на отца, потом на меня. У него под глазом начинает подёргиваться мышца, и я почему-то не могу перестать за ней следить.

– Ты можешь просто ответить, было у тебя с ней что-нибудь или нет? – спрашивает он тише, но Сергей почему-то от этого вопроса ещё сильнее выпрямляется.

– Я не буду устраивать допрос под крики матери. Нам нуж-

но всем успокоиться и поговорить нормально, без обвинений и…

– Господи, Серёж, да скажи ты ему хоть сейчас правду! – Я закрываю лицо ладонью и сразу убираю её, потому что хочу видеть, как он будет отвечать. – Он же твой сын, он перед тобой стоит и просит тебя не врать.

Артём резко поворачивается ко мне.

– Мам, дай мне самому с ним поговорить! Я задал вопрос и хочу услышать ответ, а не вас обоих одновременно, – говорит он таким голосом, которого я от него прежде не слышала.

Я замолкаю.

В коридоре раздаётся Мишин плач, и почти сразу в дверях появляется Алина. Ребёнок сидит у неё на руках, сонный, с красной щекой, и тянет пальцы ко рту. Она смотрит на нас, потом останавливает взгляд на муже.

– Вы его разбудили, он теперь не успокоится. Артём, пожалуйста, давай не будем сейчас орать при нём, – просит она, поглаживая Мишу по спине.

Сын делает к ней шаг.

– Ты с моим отцом о чём говорила, пока я в магазин ездил? Только мне, пожалуйста, не надо про то, что мама не в себе.

У Алины меняется лицо. Она не смотрит на Сергея, но я вижу, как ей хочется это сделать.

– Давай мы с тобой отдельно поговорим. Я не хочу сейчас

ничего обсуждать, пока все на взводе, – отвечает она, прижимая Мишу чуть крепче.

Ребёнок выгибается у неё на руках и начинает плакать громче. Артём автоматически забирает его, поправляет задравшуюся кофточку и прижимает к себе.

– Я здесь, Миш, я никуда не ушёл. Сейчас мы с тобой умоемся, только не плачь, пожалуйста, – говорит он привычным мягким голосом, хотя сам смотрит на жену так, словно впервые её видит.

Миша цепляется за его ворот и прячет лицо у него на шее.

У меня подкашиваются колени, и я снова сажусь. Сергей всё ещё стоит возле кресла, Алина – в дверях. Никто из них так и не сказал сыну ничего понятного, а я вижу, как он из последних сил держится за возможность, что всё это можно объяснить.

– Артём, ты не обязан мне верить сразу. Но я передала тебе то, что слышала, и отец сейчас знает, что я говорю правду, – произношу я уже тише.

Сын поворачивается ко мне. Он осторожно покачивает Мишу, и от этого движения весь разговор кажется ещё страшнее.

– Мам, тебе лучше сейчас уехать. Я хочу поговорить с ними без тебя, потому что я уже вообще ничего не понимаю, – говорит он, не встречаясь со мной глазами.

Я смотрю на него и сначала думаю, что ослышалась.

– Ты хочешь, чтобы уехала я? – спрашиваю я и сразу до-

бавляю, не дожидаясь ответа: – Тём, я могу выйти в другую комнату, мне не нужно слушать ваш разговор.

Он сжимает губы. Миша поднимает голову, трогает его подбородок влажными пальцами, и Артём машинально целует детскую ладонь.

– Я не говорю, что верю им, а тебе нет. Но ты сейчас всё время вмешиваешься, и у меня голова уже не соображает. Пожалуйста, дай мне хотя бы самому разобраться.

Сергей отходит от кресла.

– Никому не надо никуда уезжать. Сейчас все успокоятся, мы…

Я поворачиваюсь к нему, и он замолкает.

Мне хочется спросить сына, почему он не может попросить выйти отца. Почему я должна покинуть собственный дом и остаться одна в день, к которому столько готовилась. Но Артём стоит передо мной с ребёнком на руках, серый от потрясения, и я понимаю, что ответа всё равно не будет.

– Я уеду, – говорю я, поднимаясь. – Только не потому, что мне нечего больше сказать. Я просто не могу здесь оставаться.

Артём смотрит в сторону.

– Может, тебе полегчало от того, что ты выговорилась, а мне теперь как на всё это смотреть? – спрашивает он глухо, и я вижу, как у него дрожит уголок рта.

Я задерживаюсь рядом с ним. Мне хочется прикоснуться к его щеке, как утром пригладила волосы, но сейчас я не ре-

шаюсь.

– Мне не стало легче, Тёма. Я тоже сегодня узнала, с кем живу, и не знаю, что с этим делать.

Он ничего не отвечает. Только поворачивается так, чтобы Миша не дотянулся до висящего рядом шарика.

Я выхожу из гостиной и иду в спальню.

***

У нас до сих пор лежит на кровати чистое бельё, которое я утром не успела убрать в шкаф. Сергей сдвинул его к изножью, когда переодевался, и сверху бросил домашнюю футболку.

Я беру её двумя пальцами, собираясь отнести в корзину, потом останавливаюсь и кладу обратно.

Сумка стоит на верхней полке. Обычно я зову мужа, чтобы он достал её, но сейчас придвигаю стул и лезу сама. Колени дрожат, край полки больно упирается в запястье. Когда сумка наконец оказывается у меня в руках, вместе с ней падает старый чехол от фотоаппарата.

На секунду я просто стою на стуле и смотрю вниз.

Нужно слезть, собрать вещи, понять, куда ехать. Я знаю все эти действия по отдельности, но соединить их в одну последовательность почему-то очень трудно.

Телефон вибрирует в кармане. Ольга звонит уже второй раз.

Я отвечаю и не успеваю поздороваться.

– Лен, ты меня напугала. Что у тебя случилось, давление

или что-то другое? – спрашивает она без обычных шуток.

Я сажусь на край кровати, прижимая телефон к уху.

– Можно я к тебе сегодня приеду? И, наверное, ещё на пару дней останусь, если у тебя получится.

После небольшой паузы Ольга отвечает уже совсем другим голосом:

– Конечно, приезжай. Ты только скажи, тебя забрать надо или ты сама доберёшься?

Я смотрю на сумку, на раскрытый шкаф, на свою туфлю, которую задела, когда двигала стул.

– Я такси вызову. За руль сейчас не хочу, у меня руки никак не перестанут трястись.

– Тогда вызывай и приезжай, я дома. Полотенца у меня есть, шампунь тоже, не собирайся так, будто на месяц уезжаешь, – говорит она спокойно, и от этой обычной заботы я вдруг начинаю плакать по-настоящему.

Приходится отнять телефон от лица. Я прижимаю кулак ко рту, стараясь дышать тише, но Ольга всё равно слышит.

– Лен, не рассказывай пока, раз не можешь. Приезжай, я тебя встречу, – добавляет она, и я несколько раз киваю, прежде чем вспоминаю, что она меня не видит.

Положив телефон, я долго вытираю лицо бумажной салфеткой. Потом начинаю складывать вещи.

Сначала беру зачем-то нарядную блузку, в которой собиралась сидеть за праздничным столом. Держу её на коленях, разглядывая пуговицы, и возвращаю на вешалку. Вместо неё

достаю две обычные кофты, джинсы, бельё и пижаму.

Паспорт лежит в ящике вместе с документами на машину и старыми гарантийными талонами. Я вынимаю его, нахожу банковские карты, проверяю, где ключи от ателье. От этого становится немного легче: хотя бы с такими вещами я пока могу разобраться.

Из коридора слышны голоса. Слов не разобрать, но Артём говорит громче остальных. Я замираю с зарядкой в руках, пытаясь расслышать, и тут же злюсь на себя.

Я и без того сегодня услышала больше, чем могла вынести.

В дверь спальни негромко стучат. Сергей заходит, не дожидаясь ответа, и останавливается возле кровати.

– Ты куда собралась? Лена, давай не будем сейчас доводить всё до такого, ты потом сама пожалеешь, что уехала на нервах.

Я убираю зарядку в боковой карман сумки и закрываю молнию.

– Я еду к Оле. Где лежат мои вещи, я знаю, остальное заберу, когда смогу.

Он смотрит на сумку с раздражением, которое старается скрыть.

– Ты же понимаешь, что Артём не хотел тебя выгонять. Он сейчас сам не свой, нельзя каждое слово принимать так близко.

Я поворачиваюсь к мужу.

– Я не уезжаю от Артёма, Серёж. Я уезжаю от тебя, а с сыном мы потом поговорим.

Он опускает взгляд, потом подходит к окну и поворачивается ко мне спиной.

– Мы двадцать девять лет вместе. Неужели ты правда готова вот так собрать сумку и всё закончить за один день?

Я смотрю на его затылок, на знакомую линию плеч. Ещё вчера я спросила бы, не болит ли у него шея, потому что он опять весь вечер сидел над телефоном.

– Ты больше двух лет жил так, как считал нужным, а мне предлагаешь за час придумать, как с этим смириться. Я сегодня больше не могу разговаривать, пожалуйста, выйди.

Сергей не сразу двигается с места. Мне кажется, что он всё-таки хочет что-то сказать, но вместо этого поправляет лежащую на подоконнике ручку и выходит.

Я смотрю ему вслед, пока не закрывается дверь.

Такси приезжает быстрее, чем я ожидала. Водитель пишет, что ждёт у ворот, и я несколько секунд не понимаю, почему должна торопиться. Потом надеваю кофту, беру сумку и выхожу в коридор.

В гостиной тихо. Мишиного голоса не слышно, зато из кухни доносится звон чашки. Я не знаю, кто там, и не иду смотреть.

У вешалки достаю из шкафа удобные туфли для работы, складываю их вместе с тапочками в пакет. Ставлю его на тумбу, пока надеваю куртку, и долго не могу попасть рукой в ру-

кав: подкладка вывернулась, мешает, цепляется за пальцы.

Я почти готова расплакаться снова из-за этой дурацкой подкладки, когда сзади раздаётся голос сына.

– Мам, тебе сумку до машины донести? – спрашивает Артём, остановившись возле двери гостиной.

Я поворачиваюсь так быстро, что ремень соскальзывает с плеча.

У него красные глаза. Он стоит босиком, в одной руке держит Мишину бутылочку, а другую прячет в кармане. Я вижу, как ему тяжело даже смотреть на меня, и на секунду почти решаю остаться. Хотя бы ради того, чтобы ещё раз всё объяснить, найти другие слова, не оставлять его здесь с ними.

– Я сама донесу, она лёгкая. Ты только позвони мне потом, когда сможешь, ладно? – прошу я, поправляя ремень.

Артём кивает, но ничего не обещает.

Из комнаты зовёт Алина. Он поворачивает голову на её голос, и я понимаю, что сейчас он уйдёт.

– Я буду у Оли, если понадоблюсь. Адрес у тебя есть, – добавляю я, уже чувствуя, как щиплет в носу.

– Я помню, где она живёт, мам. Ты только доедь нормально и напиши, что добралась, – отвечает он тихо, не глядя мне в глаза.

Мне хочется обнять его, но я почему-то продолжаю держаться за ремень сумки и смотреть на детскую бутылочку в его руке. Я слишком долго думаю, как сделать этот шаг, и он успевает отойти.

Я выхожу во двор.

Воздух кажется неожиданно холодным. За калиткой стоит незнакомая машина, водитель смотрит в телефон и не замечает меня сразу. Я машу ему, он выходит открыть багажник, но я говорю, что поставлю сумку рядом с собой.

Прежде чем сесть, оглядываюсь на дом.

Сквозь окно видны голубые шары. Один опустился ниже остальных и касается лентой спинки стула. Торт так и стоит в холодильнике, свечка лежит где-то в пакете с хлебом, а на столе остались наши фотографии.

Я задерживаюсь возле открытой дверцы, поправляя ремень сумки. Водитель спрашивает, всё ли в порядке, и я киваю, хотя продолжаю смотреть на крыльцо.

Дверь открывается.

Я сразу поднимаю голову, уже готовая сказать Артёму, что он может поехать со мной, что мы придумаем, куда поставить кроватку, что ничего сейчас не нужно решать навсегда.

Но из дома выходит Сергей с пакетом, который я забыла на тумбе.

– Ты обувь оставила, я решил вынести, пока не уехала, – говорит он, протягивая его мне.

Я принимаю пакет и ставлю на сиденье.

Сергей стоит рядом, хмурясь, потом наклоняется чуть ближе, чтобы водитель не услышал.

– Вот скажи, зачем ты всё-таки ему рассказала? Ты же видела, в каком он теперь состоянии, Лен, – произносит он

устало, будто мы с ним уже много раз обсуждали мою неразумную выходку.

Я смотрю мимо него на открытую дверь и ещё несколько секунд жду, что сын появится на крыльце. Потом сажусь в машину, ставлю сумку на колени и прошу водителя ехать.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.